

**Мясницкий Иван Ильич**

**Нашего поля ягоды**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8  
ББК 84-4  
И17

И17 **Иван Ильич М.**  
Нашего поля ягодки / Мясницкий Иван Ильич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 438 с.

**ISBN 978-5-519-98445-4**

**ISBN 978-5-519-98445-4**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



прости Господи!.. Прикащики-то ушли въ лавку, ай нѣтъ?

— Нѣтъ, тебя будутъ дожидаться! надуваетъ губы «сама»: извѣстно — ушли, время-то не ждетъ!

— Ну, и я сейчасъ... Вели-ка «Полванчика» заложить!

— Сейчасъ... Да, забыла я: тебя на куфѣ молодецъ какой-то дожидается... найматься, быдто, пришелъ...

— Что жъ ты до сей поры молчала-то? Трепишь, чортъ знаетъ что, а о дѣлѣ ни слова... Пошли его сюды!

Минуту спустя, въ столовую вошелъ здоровый молодецъ, лѣтъ 30, одѣтый чисто; поклонившись хозяину, онъ остановился посреди комнаты. «Самъ» повернулся на стулѣ и смѣрилъ его взглядомъ съ ногъ до головы.

— Здравствуй, братъ! Что скажешь?

— Къ вамъ я, Кондрать Вавилычъ, и собственно насчетъ мѣста.

— Насчетъ мѣста? А вотъ тебѣ и мѣсто—садись! указалъ «самъ» на стулъ.

— Я на счетъ мѣста въ прикащики, Кондрать Вавилычъ... Мнѣ сказывали, что вамъ нужно...

— Говорю, садись! Экой ты неapolитичный,

братецъ! На этакаго верзилу съ низу глядѣть—шею свернешь... Чаю хочешь?

— Премного благодарны-съ... бывшее дѣло-съ!

— Чай на чай ничего, — вотъ палка на палку, такъ точно что не больно тово... Пей! Ну, вотъ, мы теперь съ тобою рацею и заведемъ... Можетъ ты въ накладку любишь?

— Нѣтъ-съ, я такъ...

— Въ наглядку, значить? Была-бы честь предложена, а отъ убытку Богъ избавилъ!.. Ты что-жь, теперича, на какомъ полозу ѣдишь: при мѣстѣ, аль мостовую полируешь?

— Безъ мѣста-съ... другой мѣсяцъ пошелъ...

— Воронъ считаешь? Такъ!.. А жилъ допрежь у кого?

— У Кривобокова-съ... въ Панскомъ ряду они торговлю производятъ-съ...

— Слыхали... Отошелъ-то отъ ево по какому комуфлету? Проворовался, надо полагать?

— Какъ-съ?

— Ёшь, да не капъ! Ка-а-къ-съ! И народъ, погляжу я на васъ: говорить все, какъ слѣдовало, а чуть только коснись до хапанцевъ—сичасъ на себя глухоту напустить!

— Ужь очинно вы меня этимъ словомъ осадили-съ... Можете справиться обо мнѣ у Кривобокова...

— Чудакъ-человѣкъ! Да какой-же хозяинъ правду скажетъ? Еще хвалить нарочно станеть: нѣ-жъ, молъ, тебѣ,—ежели у меня была усышка, такъ и у тебя утечка будетъ!.. А что ваша братія къ ручному ремеслу притрафлена — такъ ты и не спорь: сами тоже, во время оно, на прикащицкой линіи состояли... Изъ-за какой-же собственно матеріи Кривобокъ тебя въ шею-то турнулъ?

— Самъ ушелъ-съ: на руку ужь очинно стали они дерзки...

— Изъ-за этакихъ пустяковъ, и вдругъ уходить? Дуракъ! А ты эвтой фанаберіей, ежели жрать хочешь, пренебреги... Да какой-же я теперича буду купецъ, ежели своихъ подданныхъ учить не стану? Побить—побью, да вѣдь и награжу; а ндравъ мой сокращать не могу! Опять у меня сичасъ такой характеръ: чуть мало-мальски за галстукъ попало—безпремѣнно чтоба кому ни на есть скулы на сторону своротить! Чесотка это въ десницѣ—не приведи Господи!.. Ежели я теперича тебя возьму, такъ только въ «личарды», замѣсто палочки-выручалочки...

— Тоисъ какъ-же это-съ—замѣсто палочки?

— На манеръ какъ-бы тѣлесъ моихъ охранителя! У меня положеніе: какъ праздникъ,—

сичасъ за городъ вавилонъ выводить... и ужъ безъ протокола домой ни ни... карактеръ у меня, я те говорю, самый тропическій!

— Это до меня не касательно-съ...

— И очинно даже касательно: для какого же лѣшаго я тебя беру-то къ себѣ? Я тамъ кому ни на есть шейную жилу поврежу, и вдругъ на меня трое... Ну, и выручай, отдувайся своими боками... Протоколъ сварганять—и протоколъ бери на себя, а я сичасъ въ сторону, и я, молъ, не я, и лошадь не моя, а я только свидѣтель!..

— Не способно-съ... Вы ужъ лучше меня въ лавку...

— Въ лавкѣ и безъ тебя чертагоновъ-то много; опять-же ты, по комплекту—какъ разъ въ тѣлохранители подойдешь... ишь, ручищито... ровно купеческія... Только чуръ, уговоръ лучше денегъ: ежели мнѣ вдругъ такое откровеніе, чтобъ тебя въ зубы—мотри, сдачи не давать... а то я такъ-то одного личарду двинулъ, а онъ меня за бороду... да, вѣдь, какую горсть-то надраль, анафема,—страсть!

— Помилуйте, Кондратъ Вавилычъ, вѣдь это выходитъ, что и рожа не моя, а ваша; опять-же протоколы: тутъ ужъ прямо въ Титы-съ!

— И дуракъ-же ты, погляжу я на тебя!.. Выросъ ты съ коломенскую версту, а ума ни на вершокъ... Да за что-же я тебѣ жалованье-то буду платить, голова твоя садовая?.. Такъ скажемъ, что такое Киты? Тьфу, и больше ничего! Сидишь ты въ теплѣ и безо всякаго дѣла... другіе-то прикащики по цѣлымъ днямъ на морозѣ зубную дробь выбиваютъ, а ты фронтъ-барономъ: кушанье тебѣ каждый день изъ дому, водки хушь облопайся, жалованье идетъ своимъ порядкомъ—и цѣлѣ: куды его въ Китахъ-то проживешь? Все въ карманѣ остается... Глядишь, лѣтъ черезъ пятокъ самъ хозяиномъ будешь... А ты еще ломаешься!

— Да, вѣдь, мараль-съ...

— Прикащикъ, и туда-же: мара-а-аль! Вонъ, у меня Парфушка прикащикъ—въ Китахъ те-перича блаженствуетъ—такъ тотъ въ году-то дней пять только на слободѣ гуляетъ, и то на мараль ни единого разу не упиралъ. «Плевать!» говорить. Да, вѣдь, въ какой скусъ, анафема, взошелъ: ужъ я, ба что на каран-боли сердить, а и то, бывалоча, его Христомъ Богомъ упрашиваешь: Парфушка! дѣвствуй, говорю, но только по божьи... трафъ на недѣлю въ Киты,—ну, на двѣ, ежели тебѣ не въ терпежъ!—Не могу, кричить, Кондрать Вави-

лычь! Ежели свою душеньку въ сласть отве-  
сти, такъ ужъ надо, по крайности, мѣсяца на  
три пригнать!.. И пригонить... ей-Богу... Го-  
ворю—день пять въ году на волѣ гуляетъ!..  
А мнѣ эвто неспособно: изъ-за его теперича,  
подлеца, я должонъ три мѣсяца говѣть и пер-  
стомъ не пошевелить!? Н-не могу! Такъ, и по-  
рѣшилъ—на подмогу къ ему взять другаго:  
онъ сичасъ сидить,—ты протоколишь; ты за-  
сѣлъ, глядишь—его выпустили: мнѣ и раз-  
вязка!..

— Слыхалъ я про вашего Порфирья...

— Ирой! Меня, анафема, и то перекаран-  
боливаетъ, на что ужъ я—всѣ усердствія при-  
кладываю...

— И скоро его выпустятъ изъ заключен-  
ныхъ-то мѣсть?

— Недѣлька еще осталась. Навѣщалъ я его  
анамесь, ждетъ не дождется: «слышалъ я, го-  
ворить, Кондратъ Вавилычъ, что небель боль-  
но хорошу въ ресторонѣ «Надежда» постави-  
ли, такъ обновить бы ее поскорѣича!»... Иродъ  
по части «обновокъ». И попалъ-то онъ въ по-  
слѣдній разъ зря: за дьякона. Летимъ это мы  
съ имъ на тройкѣ за городъ... а здѣсь здо-  
рово ужъ было засыпано... двѣ мамзюшки съ  
нами изъ гулевой націи... Только, братецъ ты

мой, вдругъ бадъ—на стрѣчу дьяконъ ѣдетъ. «Стой, отецъ дьяконъ! кричитъ это Парфушка: поворачивай оглобли назадъ, потому примѣта такая: ежели съ кѣмъ изъ духовнаго сословія повстрѣчаешься—все прахомъ пойдетъ и никакого переплету не выйдетъ!»... Тотъ на дыбки. Мы изъ саней вонъ, да и ну его сивую поворачивать. Дьяконъ какъ рывкнетъ: караулъ! Голосина здоровенный,—въ Петровско-Разумовскомъ, чай, слышно было,—ну, и пошла катавасія... Били тебя когда-нибудь?

— Кого... меня-съ?

— Нѣтъ, сосѣда! А ты дурака-то не валяй!

— Въ малолѣтствѣ еще-съ...

— И чудесно! Вотъ уже мы съ тобой пробу пера и сдѣлаемъ... Идетъ?

— Не знаю, какъ и сказать вамъ... А жалованье какое отъ васъ полагается?

— Объ жалованьѣ не толкуй: я на свои удовольствія монетъ не жалѣю... Окромя того за каждый протоколъ—награда по заслугамъ... для своей пользы ужъ старайся!.. По рукамъ?

— Дѣлать нечего-съ... Только ежели не въ терпѣжь будетъ, позвольте тогда отказаться...

— Отказаться! Прогонять буду—не уйдешь: жисть купеческая! Ну, теперича и въ лавку пора, а ты мотри... какъ тебя ругаютъ-то?

— Ермолаемъ-сь. .

— Во-о фрунтъ!

Прикащикъ вскочилъ со стула и вытянулся въ струнку.

— Ха-ха-ха! раскатился «самъ»: тресировка въ тебѣ, братецъ, есть... люблю! На, получи двѣ четвертныхъ задатку, и чтоба къ семи часамъ быть въ Патрикѣевскомъ и меня дожидаться... Понялъ половину?

— Даже все-сь...

— Ну, и исчезни!.. Налѣво кругомъ... ма-а-аршъ!

Прикащикъ исчезаетъ. Въ столовую входитъ «сама».

— Нанялъ, говоритъ она, а для чего нанялъ, спросить? И такъ ихъ цѣльный дворъ нагналъ... Ему и мѣста-то у насъ нѣтъ...

— И не нужно: онъ въ Китахъ будетъ фатеру наймать!

— Ошалѣлъ ты, я вижу, со сна-то...

— Ошалѣешь, коли ежели вы, съ большаго ума, палкой въ живомъ человѣкѣ начнете ковыряться! Видишь, вонъ, на дворѣ бочка съ водой стоитъ?

— Не ослѣпла, чай...

— Сестра тебѣ родная! Поняла?.. Марья! Шубу...

## КУТИЛА-МУЧЕНИКЪ.

---

**О**крестность Москвы. Ночь. Одна изъ тѣхъ ночей, которыя такъ желательны влюбленнымъ и ворами: первымъ — для сокрытія отъ взоровъ людскихъ чувствъ, волнующихъ пылкія сердца, пронзенныя стрѣлою Амура, — вторымъ — для безопасной очистки квартиры «ближняго»... ночь, значить, темная. Тихо. Изрѣдка промчится по верхушкамъ деревьевъ запоздалый вѣтерокъ, зашумитъ листьями, и пропадетъ въ пространствѣ... Гдѣ-то тавкаетъ собаченка, но тавкаетъ, судя по неохотному лаю, не по убѣжденію, а больше по обязанности... Простучалъ вдаль полусонный сторожъ въ доску, долетѣлъ откуда-то шепотъ: «ахъ, оставьте... вы опять интригу подводите! — Напрасно-съ... я совсѣмъ напротивъ!...»

и снова тишь, и снова сонъ... замерла окрестность...

Къ одной изъ дачъ, утонувшихъ въ густой листвѣ деревьевъ, подъѣзжала извозничья пролетка. Въ пролеткѣ лежала какая-то темная масса и храпѣла во всѣ носовыя завертки. Подъѣхавъ къ дачѣ, извозникъ сдѣлалъ губами нѣчто въ родѣ «тиру!», соскочилъ съ козелъ и растянулся на землѣ... Съ помощію «родителейъ», которыхъ извозникъ поминалъ еже-секундно, цѣпляясь за колеса, онъ приподнялся съ большимъ усиліемъ и принялся будить содержимое пролетки.

— Купецъ!.. а купецъ!.. Ваше сс-пе-енство! Очкнитесь... пріѣхамши! толкалъ извозникъ храпящую фигуру: «къ листоранту пріѣхамши!.. Ваше сс-пе-енство!.. Ваше сс-пе-енство!..

«Его степенство» зачмокало губами, пробурчало какую-то дрянь себѣ подъ носъ, и засвистѣло носомъ. Извозникъ, плюнувъ, утерся полкой халата и, нагнувшись въ пролетку, крикнувъ въ самое ухо «степенства»: «во одки прикажите?»

— По-о-одавай! заоралъ тотъ, выпрямляясь: ж-ж-жи-иво-о!..

„И ахъ, ты береза;  
Ты моя береза!